

18+

Виктория Вьюгина

МОРИКО
и другие рассказы

Виктория Вьюгина

Морико. и другие рассказы

«Издательские решения»

Вьюгина В.

Мори́ко. и другие рассказы / В. Вьюгина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696861-5

Раньше мама всегда говорила Мори́ко, что если долго смотреть в лес, то нечто оттуда начнёт смотреть в ответ. Они, иные существа, это любят. Людской взгляд для них притягателен. А если взглянул уж раз — существа запомнят. И чем больше будет таких взглядов, тем сильнее интерес иных. Эти слова Мори́ко хорошо запомнила. А когда на лесопилке отца стали пропадать люди, та поняла: нечто из леса смотрит в ответ и ждёт.

ISBN 978-5-00-696861-5

© Вьюгина В.
© Издательские решения

Содержание

МОРИКО	6
Морико	7
I	8
II	12
III.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Морико и другие рассказы

Виктория Вьюгина

© Виктория Вьюгина, 2026

ISBN 978-5-0069-6861-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МОРИКО и другие рассказы

Раньше мама всегда говорила Морики, что если долго смотреть в лес, то нечто оттуда начнёт смотреть в ответ. Они – иные существа – это любят. Людской взгляд для них притягателен. А если взглянул уж раз – существа запомнят. И чем больше будет таких взглядов, тем сильнее интерес иных.

Эти слова Морики хорошо запомнила. Даже когда мама оставила их, бесследно исчезнув одной летней ночью, девочка по-прежнему хранила воспоминания о них. А когда на лесопилке отца стали пропадать люди, та поняла: нечто из леса смотрит в ответ и ждёт.

Морико

I

Раньше мама всегда говорила Морики, что если долго смотреть в лес, то нечто оттуда начнёт смотреть в ответ. Они – *иные существа* – это любят. Людской взгляд для них притягателен. А если взглянул уж раз – существа запомнят. И чем больше будет таких взглядов, тем сильнее интерес иных.

Эти слова Морики хорошо запомнила. Даже когда мама оставила их, бесследно исчезнув одной летней ночью, она ещё хранила воспоминания об этой «глубоко больной женщине», как выражался отец. Бледное лицо и слабая улыбка не уходили из памяти девочки.

#

Сложенная газета лежала на свежем пеньке, оставшимся от когда-то высокого, стройного дерева. Заголовок Морики прочитала уже едва ли не пятый раз: «*Уже третий пропавший в районе новой лесопилки Инученсо*». Тень от сложенных друг на друга длинных деревянных брусков падала на неё, закрывая чёрное-белое фото на первой полосе, разглядеть которое девочка и не пыталась.

Несколько работников действительно пропали. В том числе и молодой стажёр, только что устроившийся к отцу Морики. Те ещё с утра отправились на лесопилку, а к вечеру так и не вернулись. Даже сам господин Инутаке их не видел...

Откинувшись назад, Морики подняла голову. Небо было чистым. Поваленные позади брёвна неприятно покалывали спину через тонкую одежду, но она не обращала внимания. Девочка уже давно привыкла ко всему, что было связано с работой отца: запах пиломатериалов, глухой звук бензопилы и грохот падающих стволов.

Когда Морики была младше, отец часто брал её с собой на работу. Девочке нравилось с неподдельным восторгом смотреть как под острыми лезвиями бензопилы даже самые огромные и толстые стволы деревьев падают на землю. Это казалось явлением настоящей человеческой силы, способной совладать даже с самой природой. Стоило цепи заглохнуть, закончив с очередным стволом, как та тут же начинала новый круг, пуская в стороны опилки, усыпавшие траву.

Оглушающий треск цикад, сидящих на стволах деревьев, прервал воспоминания девочки. Она тяжело выдохнула. В этом году жара затронула деревню уже в самом начале лета, но здесь – в лесу – тени деревьев, чьи тонкие, длинные стволы уходили далеко в безоблачное небо, создавали приятную прохладу, которая не мешала Морики.

Отец уже давно не приводил её поглядеть на вырубку леса – со следующего года Морики должна была пойти в старшую школу. Господин Инутаке долго думал, но решил позволить дочери выбрать самой: хочет ли она остаться в той же школе в их небольшой деревне Хаяоке или же пойти в новую – в городе. Он замечал, как многие предпочитали городскую жизнь пребыванию в отдалении.

С детства Морики прошло уже много лет, однако неизменной осталась любовь её отца. На логотипе лесопилки «Инученсо» по-прежнему красовался светлый пес, неумело нарисованный детской рукой, держащий в своих лапах красную бензопилу. Он же виднелся на билборде рядом с забором, огораживающим территорию завода. Расположенный почти у подножия горы, он уходил в лес, который тянулся дальше деревни.

Звуки леса внезапно перекрыл негромкий шум двигателя, приближающийся к территории лесопильного завода. Там – под билбордом – шурша гравием широкой дорожки, затормозил большой светлый фургон. Заглушив мотор, из него вышел высокий мужчина с сероватым лицом. Плотнo сомкнутые бледные губы не выдавали эмоций. Следом за ним, открыв со скрипом дверь, на мелкий гравий подъездной дорожки выскочил парень. Поправив тёмные волосы,

часть которых уже сильно отросла и собирать её приходилось в пучок на затылке, а чёлка и вовсе спадала на глаза, он огляделся.

– Поторапливайся, Сакахата, – бросил через плечо мужчина, направившись по территории лесопильного завода к дому.

Повея плечами, молодой человек зачем-то кивнул, хотя тот явно уже не увидел этого. Он сунул руки в карманы тёмных штанов и встретился взглядом с сидевшей у горы поваленных брёвен девочкой.

– Ты здесь с отцом?

Приподняв голову, Морики обратилась к парню, которого называли Сакахата. Немного растерявшись от вопроса, заданного так сразу, он ответил натянуто.

– Да. Приехали... – оглядев двор и уложенные ровными рядами пиломатериалы, парень произнёс первое, что пришло в голову. – забрать свежие материалы.

– Неправда, – спокойно прервала его Морики. – Отец отменил последние заказы. Никто не стал бы приезжать. Вы здесь, чтобы выяснить что мешает работе лесопилки.

Сакахата удивился, приподняв одну бровь.

– А ты умная.

– Не умная. Просто видела визитку, которую отец привёз на днях из города. – просто ответила Морики, пожав плечами.

Сакахата замаялся. Ему редко удавалось говорить честно с кем-то кроме, непосредственно, заказчика – отец запрещал это. Любому, кто интересовался их делами, следовало говорить что-то из придуманных заранее и твёрдо заученных фраз, подходящих под ситуацию. «Отец детектив из полиции, работает по делу» или «Я собираю информацию для школьного проекта» – что угодно кроме прямого ответа: *«Мы с отцом занимаемся поиском сверхъестественного и помогаем людям, столкнувшимся с этим».*

На днях к ним как раз обратился владелец лесопилки из небольшой деревни Хаяока, на территории которой стали пропадать работники. Ничего необычного – очередная работа. Сакахата уже привык к ней. Последние семь лет – со смерти матери – они с отцом только и делали, что разъезжали по городам Японии, изучая «необычные» случаи.

– Ты ученица старшей школы?

Пнув ботинком мелкие камешки, парень сошёл с подъездной дорожки, подходя ближе к Морики. Он склонил набок голову, разглядывая её. На первый взгляд – тихая, спокойная девочка. Может быть, даже чересчур.

– Ещё нет. В следующем году пойду.

– Старшая школа – отстой.

Сакахата шумно выдохнул, и опустился рядом.

– Да?

– Ага.

Треск цикад заполнил тишину.

– Кодаяка Сакахата.

– Инутакэ Морики.

Короткий обмен именами удивительно хорошо вписался между ними. Краем глаза взглянув на Морики, Сакахата произнёс:

– Что ж, Морики... может, ты расскажешь мне что знаешь?

Он хотел быть полезным отцу. Сейчас тот наверняка разговаривает с заказчиком – господином Инутакэ, владельцем лесопилки – и уже даже забыл, что просил Сакахату поторапливаться. Парень будет нужен, когда они отправятся искать информацию или осматривать местность – так отец поступал всегда. После он наверняка отправится в деревню и засядет в библиотеке, изучая газеты и книги, а поговорить с дочерью владельца и не подумает. Странно, но отчего-то каждый раз, когда парень пытался доказать отцу, что может справиться с делом

самостоятельно (ведь ему уже шестнадцать), господин Кодаяка опускал глаза и плотно сжимал губы, не говоря в ответ ничего. Брал всё на себя одного.

– Они уходили сами... – Морико сглотнула, произнеся тихо. Подтянув к себе колени, она прижала их к груди. – Так многие говорили. Первый работник – господин Номики – занимался пометкой деревьев, что пойдут на сруб. Перед обедом отец пошёл проверить его, а обнаружил лишь незаконченную работу: на нескольких первых стволах были пометки, другие же стояли нетронутые. Баллончик с краской лежал рядом.

Сакахата слегка приподнял подбородок, внимательно слушая девочку. Она говорила сдавленно, явно волновалась или переживала за... пропавших. Да, хотелось верить, что работники лесопилки ещё могли считаться «пропавшими». За время работы с отцом парень слишком часто встречался со случаями, когда людей уже было поздно спасать – от «пропавших» оставались лишь «погибшие в результате несчастного случая» (как любили писать в газетах).

– Про второго водитель говорил, что он просто бросил всё и пошёл дальше в лес, словно тот звал его. Прямо как господин Номики.

– А водитель не слышал ничего? Ну, может быть, то, что позвало работника.

Уложив подбородок на колени, Морико покачала головой.

– Что ж, – вновь натянуто проговорил Сакахата, подбирая слова. – существует множество сверхъестественных существ, духов, которые путают людей, зовут и заманивают. Так делают даже тануки. Правда, они лишь ради забавы, чтобы посмеяться...

– Думаешь, они ещё живы?

Парень замолчал на полуслове, услышав её. Морико звучала как-то отрешённо – слишком безучастно для обычной девочки-школьницы, на территории лесопилки отца которой, возможно, поселилось нечто иное – опасное.

На секунду Сакахата ощутил, как сжалось его сердце. *Это было ненормально.*

– Я...

– Кодаяка, ты говоришь так, будто пропавшие работники до сих пор где-то там – в лесу – и вы с отцом найдёте их и разберётесь с существом, что звало их.

Морико прикусила губу. Наконец, парень понял, что действительно ощущал в этой девочке страх. Она верила – или даже знала – что с пропавшими на лесопилке уже случилось непоправимое, и от этого боялась. Кто будет следующим? Её отец? Она? А, может, приехавшие в деревню господин Кодаяка и его сын?

Сакахата покачал головой, отбрасывая мрачные мысли.

– Я не могу обещать, что мы найдём их, – твёрдо произнёс парень, зная, что не может лгать. – Но надежда есть. Духи не всегда жестоки к людям.

Шагая по шуршащему гравию, мелкие камушки которого Сакахата по-прежнему пинал ботинком, он думал о предстоящем деле. В голове крутились разные мысли, которые с трудом удавалось привести к единству, из которого складывалось предположение. Отец, наверное, думал также. Парню хотелось скорее поговорить с ним.

Зайдя в дом, он снял обувь и прошёл в коридор. Дом был старым – какие обычно можно встретить в деревнях как Хаяока – однако натянутая на деревянные каркасы рисовая бумага казалась прочной и не просвечивала. Перед самой входной дверью помимо обуви отца стояло ещё две пары: рабочая господина Инутакэ и вторая Морико. На стене висело несколько фотографий в рамках: сам владелец лесопилки с коллегами на фоне работающей техники, он вместе с дочерью и она – маленькая Морико, только что пошедшая в школу. Ни одной фотографии жены...

Неловко потоптавшись на месте в одних носках, Сакахата потянулся включить свет. Коридор был погружён в полумрак – только редкие солнечные лучи проникали в дом через небольшое окно над дверью. Шагнув от неё, парень щёлкнул выключателем. Неестественно моргнув, свет зажёгся лишь на секунду, а затем погас.

Скривив губы в недовольстве, он тихо выругался, и настойчиво нажал ещё раз. Одиноко висевшая под потолком лампочка загорелась, а затем вновь потухла. Нить накала внутри неё издала слабый треск. В полумраке дома Сакахата различил в конце коридора высокий силуэт.

Он не пытался звать – знал, что ни отец, ни господин Инутакэ не выглядят *так*.

Высокая и худощавая, с переломанными конечностями и серым, мёртвым лицом... Она возвышалась в дверном проёме, скребя длинными уродливыми ногтями по деревянной перегородке. Женщина в грязных, оборванных тканях, что уже давно не походили ни на кимоно, ни на юкату. Широкий пояс свисал, оголяя землистый цвет покрытой старыми ранами кожи, которые гноились и чернели, одним своим видом вызывая приступ тошноты.

Сакахата ощутил, как кончики его пальцев похолодели. Сердце в груди забилося быстрее, понимая *что* перед ним. Он столько думал о виновном в исчезновениях на лесопильном заводе людей существе, что теперь даже не понял. *Оно уже здесь*.

Женщина прохрипела что-то. Сакахате показалось, что под её острыми ногтями дерево треснуло – по перегородке пошли уродливые линии скола – а натянута на неё рисовая бумага порвалась. Он хотел отвести глаза, но не мог.

«Не смотри! Не смотри!» – твердил в мыслях парень, но это не помогало.

Кривые губы перекошенного лица, что скрывалось за грязными тёмными волосами, спадающими на лицо женщины, зашевелились, но с них слетели не слова – пронзительный крик.

НЕ СМОТРИ! НЕ СМОТРИ! НЕ СМОТРИ!

Сакахата закрыл уши руками. Он двинулся в сторону, едва не врезавшись в стену, собираясь вновь попытаться включить свет, а затем сразу же позвать отца, но его остановила чья-то рука.

– Стой!

Крик смолк. Парень поморщился, вглядываясь в полумрак коридора, в котором больше не был различим силуэт женщины, и опустил глаза на сжимающие ткань его рубашки пальцы Морики. Поспешив к нему, она даже не сняла обувь у входа...

– Онна никого не трогала!

– Онна?

Всё ещё ощущая, как бешено колотится сердце, Сакахата бездумно повторил имя женщины – если его можно было назвать таковым. Он опомнился сразу же. Тряхнув головой так, что чёлка вновь упала ему на глаза, парень перехватил запястья девочки.

– Морики, – произнёс он, намеренно делая паузу после её имени. – Это дух. Причём довольно сильный.

– Она не опасна. Онна защищает этот дом и... *меня*.

II

Свет тускло горел в коридоре. Морико не спала, разбуженная глухо щёлкнувшим выключателем. Приподнявшись на кровати, она потёрла глаза. Где-то за окном трещали цикады. Летняя ночь была жаркой...

Разве отец уже должен был вернуться? Девочка удивилась, ведь ещё днём, говоря с женой на кухне, он сообщал, что будет поздно. Проведёт вечер с коллегами. Работа на лесопилке шла просто отлично, бизнес процветал, и Хаяма хотел отпраздновать это.

Сбросив с себя тонкое одеяло, Морико свесила ноги с кровати. Немного взволнованно сжимая ткань, она взгляделась в свет коридора. Тот заслонил чей-то силуэт.

Мама стояла в дверном проёме.

Увидев её, девочка улыбнулась. Но госпожа Инутакэ не ответила тем же. Пройдя в комнату, она опустила перед кроватью.

– Мама? – Морико взволновалась ещё больше.

– Морико...

Её голос был слабым. Девочка знала, что она пьёт лекарства, которые избавляют женщину от головных болей, и, если пропускать их приём, сил совсем не остаётся. И сейчас, похоже, мама пренебрегла этим.

Опустив голову, женщина сжала хрупкие плечи дочери. Пальцы почти впились в кожу, оставляя следы от ногтей.

– Мне больно, мама... – тихо проговорила Морико.

Госпожа Инутакэ не отреагировала. Тяжело задышав, она подняла на девочку широко распахнутые глаза.

– Я не позволю *ему* забрать тебя, Морико! Не позволю. Не позволю...

Последние слова она уже прошептала. Взгляд метался по лицу дочери, ладони обхватили его, поглаживая щёки. В полумраке Морико внезапно различила застывшие в глазах матери слёзы.

– *Он* придёт за тобой, но я не отдам тебя. Не отдам.

– Мама...

– Всё будет хорошо, – женщина перебила её, глядя по волосам. Смахнув подступившие слёзы, госпожа Инутакэ поднялась, укладывая дочь в постель. – Спи. Папа скоро вернётся.

Она задержалась лишь у двери. Взглянув на девочку через плечо, женщина исчезла в коридоре.

С той летней ночи Морико больше никогда её не видела...

#

– Держи. Это для тебя.

Пройдя в кухню, Сакахата положил на стол перед Морико небольшой тканевый мешочек, расшитый ярким узором.

– Омамори, – кивнув на амулет, добавил парень. – Будет служить для тебя защитой. Мой отец сделал такой же твоему.

Разглядывая мешочек, девочка задумалась о том, чем Кодаяка наполнил его. Она знала, что открывать омамори было нельзя, но узнать что внутри очень хотелось. Судя по исходящему от ткани аромату, в амулете находились опилки, смешанные с какими-то засушенными цветами.

– Мне не нужна защита от—

– От Онны. Я понял, – перебил её Сакахата, присаживаясь за стол с тихим вздохом. – Так она...

– Заботится обо мне.

Парень кивнул, вновь услышав это объяснение. В каждом его слове по-прежнему проскальзывало сомнение. Он знал, что есть духи, неспособные и не желающие вредить людям, но эта женщина... от неё разило не только гнилью, запах которой Сакахата ещё ощущал где-то в коридоре, но и болью. По опыту отца в сверхъестественных делах он знал, что такого духа убили. Причём жестоко.

Эта гнилая плоть могла лишь мстить. А Морики могла верить чему угодно, если ей так хотелось. Сакахата в любом случае не даст никому навредить этой девочке...

– Как ты это поняла? – стараясь звучать убедительно и заинтересованно, протянул вопрос парень.

– Она появилась в нашем доме совсем скоро после того, как ушла мама.

Морики слегка опустила голову, её длинные тёмные волосы скользнули с плеч вперёд, закрывая лицо, отчего Сакахата больше не мог разглядеть выражение её лица.

– Твоя мама... она...

Он неловко поёрзал на стуле.

– Она ушла. Пропала. Одной ночью просто вышла из дома и больше не вернулась.

Парень слышал, как тихо звучал голос девочки. Он мог представить каково потерять близкого человека, когда тот умирает – уходит навсегда, но если он просто покидает дом, не оставив ни записки, ни прощальных слов... Сакахата сглотнул, не находя подходящих слов. Возможно, девочке они были не нужны. Кажется, ничего в этом доме не напоминало о госпоже Инутакэ – ни фотографий, ни оставленных вещей...

– А потом появилась Онна, – Морики приподняла голову, и Сакахата заметил на её губах слабую улыбку. – Сначала я испугалась, увидев её. Она стояла в моей комнате – в тёмном углу – и просто смотрела... потом протянула руку, а когда приблизилась, погладила меня. Так, как это делают любящие родители.

Он нахмурился, поглядывая на девочку из-под спадающей на лицо чёлки.

– Она когда-нибудь тебе что-нибудь говорила?

– Онна никогда не говорит. Она может издавать только слабые хрипы.

Морики неловко поскребла ногтями по деревянной поверхности стола. Она помнила, как проснувшись посреди ночи, ощутила на себе чей-то взгляд. Несколько минут девочка боялась открывать глаза, а когда услышала хриплый стон, прозвучавший совсем рядом, распахнула ресницы и уставилась прямо в пустые глазницы, скрывающиеся за грязными свисающими на лицо волосами. Крик застрял в горле, и Морики даже не смогла позвать отца. Стоящее перед её кроватью существо протянуло вперёд уродливую худощавую руку. Длинные острые ногти могли с лёгкостью расцарапать девочке лицо, оставить глубокие раны, повторяющие те, что остались навсегда запечатлены на теле мёртвой женщины, но пальцы не коснулись её. Вместо этого существо опустило ладонь на голову Морики и принялось гладить как родное дитя. Сдавленный хрип сорвался с бледных кривых губ.

– А твоя мама, Кодаяка? – осторожно спросила Морики, поглядывая на парня.

Он отвёл глаза.

– Умерла, когда мне было девять.

Как Сакахата не старался, голос всё равно прозвучал хрипло, будто с надрывом. Он прочистил горло, но лучше не стало.

– После этого отец и стал заниматься подобными делами.

Морики издала невнятное «м-м» и уже принялась было теребить край своей юбки, ощущая жгучую неловкость и стыд от собственного заданного вопроса, но вдруг вскинула голову, что-то придумав.

– Хочешь есть? – прыгнув с высокого стула, на котором девочка не доставала носками до пола, она подошла к холодильнику. – Могу предложить онигири. Правда... они из магазина, упакованные. Сама я редко готовлю. В основном для отца. Хотя он и сам неплохо справляется.

Морики стыдливо опустила глаза.

– О, ничего! Ничего. Я вообще привык к фаст-фуду. Сейчас в больших городах открывается всё больше европейских заведений с такой едой.

Сакахата слабо улыбнулся, замечая поведение девочки. Её вопрос не показался парню бестактным, как это могла подумать сама Морики – за эти семь лет он успел привыкнуть к мысли, что матери больше нет (даже уже через год мог чётко говорить «Она умерла» без кома в горле) – однако услышав слова девочки, не смог сдержаться. Что-то вновь надрывно взвыло внутри, вызывая пустоту и вынуждая вспоминать холодное прикосновение...

Глядя как Морики перебирает в холодильнике продукты, парень обратил внимание на несколько рисунков, закреплённых на дверке магнитами. Они были нарисованы детской рукой – её выдавали неровные линии и слишком уж яркие, неестественные цвета. Похоже, принадлежали рисунки маленькой Морики. На одном из них поместилась знакомая светлая собака со смешными длинными ушами, свисающими по обе стороны от её морды, держащая в лапах красную бензопилу.

– Я нарисовала для отца лет в семь, – заметив взгляд Сакахаты, проговорила Морики. Она закрыла дверку холодильника и провела пальцами по старым рисункам. – Он сказал, что получилось очень красиво, а потом сделал этого пса логотипом лесопилки.

– У него есть имя?

– Всё детство я называла его просто Ину.

Парень не сдержал сорвавшегося с губ смешка. Положив на стол пару запакованных в прозрачную плёнку онигири, Морики забралась обратно на стул.

– Отец всегда говорил, что мама была просто больна, – тяжело сглотнув, она покрутила в руках рисовый треугольник. – поэтому и ушла в ту ночь. Она была из городских, так что первое, что он сделал – отправился в город. Но мамы там не оказалось. Думаю, это потому, что нечто забрало её вместо меня.

Сакахата напрягся, слишком сильно сжав пальцы на сушёном листе нори – мягкий рис вмялся, и начинка онигири почти просочилась на пальцы.

– Завтра мы с отцом отправимся в лес, Морики. И выясним, что обитает там. Если это *нечто*, что забрало когда-то твою маму... – он помедлил, не зная, что добавить. – то мы узнаем и разберёмся с *этим*.

III.

Мёртвые не возвращаются. Сакахата знал это.

Со смерти матери прошло уже три дня, а воспоминания о церемонии ещё были свежи в его памяти. Мальчик помнил, как стоял перед её фотографией в тесной рамке, угол которой пересекала чёрная лента, та утопала в уложенных вокруг цветах, а множество людей, перешёптывающихся рядом, подходили к нему, произносили слова утешения, а затем клали руку на худощавое плечо, слегка сжимая. Он не понимал зачем они делают это, да и кем все эти люди вообще являлись, пожалуй, тоже. Какие-то дальние родственники, коллеги... Разве могли они знать, каково было Сакахате с отцом наблюдать, как она медленно увядала в стенах стерильной светлой больничной палаты. Никто из пришедших на церемонию не жил эти несколько месяцев в ожидании, что врачи сообщат положительный результат исследований, скажут, что совсем скоро мать сможет вернуться к ним...

Мальчику казалось, что никто из этих людей не поймёт его.

Отец же все эти дни был молчалив – не проронил ни слёз, ни слов – но Сакахата знал, что внутри тот испытывал ту же боль, что и он. Ему думалось, что пустота, быстро пришедшая на место беспокойных мыслей о матери, охватила и его. Будто бы бьющееся в груди сердце вырвали, а кровоточащую рану грубо зажили жёсткими нитями, которые гнили, медленно распространяя по телу заражение. Впрочем, мальчик ужаснулся тому, что был бы не против оставить это заражение, позволив ему со временем пожрать не только тело, но и душу...

После церемонии Сакахата не говорил с отцом. Тот закрылся в своей комнате и просто едва ли не по часу в день безмолвно глядел на фотографию жены.

Мальчик понял, что мать уже никогда не вернётся, когда прошёл в пустующий дом вечером после церемонии. Опустив взгляд, он снял обувь, почти бездумно уйдя в свою комнату.

Он знал, что она не придёт. И, всё же, она постучала на четвёртый день.

«Впусти меня...» – что-то тихо стонало за дверью.

Впусти... меня...пусти...

Сакахата замер у двери. Знакомый голос – тихий, словно мать явилась уставшая из больницы – заставил его похолодеть. В тишине дома едва слышно трещала уличная лампа, к которой подлетали насекомые, заблудившиеся в ночи. Быть может – позволил себе подумать мальчик – его мать тоже потерялась в этой темноте, а теперь нашла дорогу к их дому?

ВПУСТИ МЕНЯ. ВПУСТИ. МЕНЯ

Дрожащими пальцами Сакахата открыл дверь. Что-то почти гнилое было в существе, явившимся к их дому. Оно выглядело как мать, но пахло землёй и чем-то, что Сакахата с трудом мог разобрать. Вокруг летали мухи, бьющиеся о стекло раскалённой лампы.

«Мать» переступила порог. Казавшиеся пустыми глазницы взглянули на мальчика – скопившаяся в уголках глаз бесцветная жидкость издала неприятный хлюпающий звук, когда существо моргнуло. Худощавая рука погладила Сакахату по щеке, оставляя грязный след от земли. Он вздрогнул.

– Сын... мой... сын... – едва шевеля сухими губами, оно повторяло одни и те же слова. – Вернулась... я... вернулась...

Сакахата с трудом сглотнул. «Мать» улыбнулась, обнажая испачканные грязью неровные зубы. Он попытался улыбнуться в ответ, но резкая боль не позволила. Рука существа, опустившаяся на плечо мальчика, резко с неестественной силой сжала его, заставив закричать...

#

Сакахата с отцом вернулись после полудня. На сером лице господина Кодаяки всё также не было эмоций. Сняв обувь, он сразу же прошёл вглубь дома – через минуту послышался голос господина Инутакэ, тихо переговаривающегося с ним.

Морики взглянула на оставшегося на месте парня. Сакахата неловко повёл плечами, чувствуя, как ноет старый шрам под рубашкой.

– Есть что рассказать? – тихо спросила девочка, покусывая губы от волнения.

Парень тяжело выдохнул.

– Мы с отцом ходили в лес – на гору. Но ничего не нашли там кроме старого заброшенного храма. От него сохранилась лишь деревянная табличка, на которой было одно слово. «*Ямаки*».

Вспоминая затерявшееся между стволами деревьев святилище, дерево которого уже давно сгнило, оставив лишь каменное основание, да разбросанную тут и там солому, Сакахата, всё же, чувствовал напряжение. Воздух в том месте был густой, тяжелый, он не позволял дышать полной грудью, словно намеренно давил. Звуки леса не были слышны вокруг храма, точно время рядом замерло, оставляя лишь тишину и давящее чувство.

«*Ямаки*» – было вырезано на табличке, которую парень подобрал у святилища.

– Имя?

– Имя божества. Похоже, оно обитало в этих местах задолго до основания деревни. И после недавних событий не сложно предположить, что оно хочет лишь одного...

Голос господина Кодаяки звучал из комнаты приглушённо. Склонившись над столом, он не смотрел заказчику в глаза.

– Вырубку леса нужно прекратить. Это божество – Ямаки – хозяин этих мест. И он недоволен тем, что на его землях хозяйничают другие.

Хаяма провёл ладонью по лицу.

– Значит, это из-за него пропали мои работники?

Мужчина кивнул, хотя господин Инутакэ не нуждался в ответе. Тяжесть, которую вдруг ощутили плечи, сковала его, вынуждая опуститься ниже в рабочем кресле. Хаяма вдруг взглянул на фотографию в деревянной рамке, стоящую на его столе. Иногда, во время заполнения важных бумаг, он смотрел на счастливые лица жены и дочери, запечатлённых на ней. Это была единственная во всём доме фотография, сохранившая облик госпожи Инутакэ – на ней женщина держала на руках Морики (той ещё и пяти не было) и улыбалась. Хаяма запомнил жену именно такой. Не больной женщиной, которая не в силах была справиться со стрессом и головными болями, а любившей его и дочь Надэсико. *Его Надэсико.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.